

АЛЕКСАНДР КАРЗИНКИН: ФАБРИКАНТ, ДОМОВЛАДЕЛЕЦ, МЕЦЕНАТ

Они там все разорятся...

В поисках национальной идеи все чаще обращаемся мы к такому явлению российской истории, как меценатство. Расцвет меценатства в России пришелся на начало XX века. Ярославлю с меценатами в ту пору, как и в более ранние века, очень везло, наверное, потому, что наш город всегда был купеческим. Но зависит ли меценатство только от финансового состояния? Или это состояние души?

Из отходников в московские купцы

История рода Карзинкиных уникальна: всего за одно поколение ярославские отходники стали влиятельными московскими купцами. Родоначальник рода Андрей Сидорович Карзинкин (1760 — 1822) из экономических крестьян деревни Труфаново Борисоглебского (ныне Тутаевского) уезда сумел стать московским купцом первой гильдии. Его сыновья Иван и Александр уже стали потомственными почетными гражданами, занимались чайной торговлей, а затем открыли еще и текстильное дело. Сын Александра Андрей преуспел в обоих направлениях, и именно он стал одним из учредителей и директоров Товарищества Ярославской Большой мануфактуры. Его первенец Александр Андреевич Карзинкин-младший по обычаю того времени получил имя в честь деда. О нем и пойдет речь.

Александр Андреевич Карзинкин родился 6 июня 1863 года, получил прекрасное образование, как и его сестра Елена, которая окончила Московскую школу живописи, ваяния и зодчества, была ученицей знаменитого пейзажиста В.Д. Поленова. Ее творчество представлено в собрании Третьяковской галереи. Александр посещал лекции в Императорском Московском техническом училище, ныне Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Хлопок из Средней Азии

Карзинкин-младший стал одним из директоров Товарищества Ярославской мануфактуры в 1886 году, еще при жизни родителей. После присоединения Средней Азии к России в 1880-х годах Карзинкины первыми в рос-

сийской текстильной промышленности освоили среднеазиатский хлопок. Фабриканты Карзинкины построили для рабочих Ярославской Большой мануфактуры целый жилой поселок с больницей, школой и фабричным училищем. В 1908 году на средства Карзинкиных была возведена самая необычная в Ярославле церковь — храм в стиле модерн в честь Андрея Критского, Иоанна Постника и Архангела Гавриила.

Унаследовав семейное дело, Александр Карзинкин служил ему верно и старался беречь его лучшие традиции. По словам современников, хозяином он слыл мягчайшим и заботливым. Для детей работников были устроены школы и детский сад, тратились значительные средства на жильё и больницы. Бывавший на фабрике художник Константин Коровин спустя много лет, уже в эмиграции, так сказал: «У Карзинкина на фабрике рабочие жили так, как в Англии не живут». И с этим высказыванием согласились все, кто и не бывал на карзинкинской фабрике, но хорошо знал самого Александра Андреевича.

Уютно и со вкусом

Успешный фабрикант и крупный домовладелец делил белый старинный дом, стоявший полукругом, со своей сестрой, художницей Еленой Телешевой, и зятем. Дом находился близ Воронцова поля. Карзинкины жили мило, уютно, со вкусом. В их доме бывали известные художники, актеры, певцы. Карзинкин был заядлым театралом, и женат он был на балерине, итальянке Джури, некогда прима Большого театра. В доме у Карзинкиных проходили знаменитые в Москве среды — журфиксы, на которых бывали Бунин, Чехов, Куприн, Левитан, Рахмани-

нов. Сам Александр Андреевич очень любил живопись, но картины не собирал. А собирал книги. Шкафы огромной библиотеки тянулись из комнаты в комнату. В библиотеке висели портреты бородатых людей в кафтанах прошлых столетий — предки, основатели рода.

Карзинкин гордился тем, что у него была лучшая в Москве библиотека по истории Французской революции. Он собирался пожертвовать ее Московскому университету. Однажды искусствовед Павел Муратов спросил его, откуда такой интерес к Французской революции. «Со вседневной скромностью своей он несколько смутился и как бы шепнул, по привычке своей подняв палец и блеснув очками: «Страшное время, интересное время. Узнает-ся человек-с».

Мог ли тогда Александр Карзинкин, льянской король, как его звали современники, предположить: совсем скоро на личном опыте он поймет, что такое революция.

Рабочие не допустят

В 1918 году Карзинкину легко было уехать из России, и вовсе не потому, что его женой была итальянка. Итальянская военная миссия в полном составе жила в 1918 году в

доме Карзинкиных перед отъездом из России и легко могла увезти своих радужных хозяев. Когда Карзинкину советовали покинуть Россию, он начинал волноваться и говорил: «Как я могу бросить фабрику? Ведь они там все разорятся».

— Но вас арестуют! — твердили ему друзья.

Карзинкин улыбался немного таинственно.

— Наши рабочие не дадут, — говорил он не без гордости.

Невзирая на советы друзей, 55-летний Карзинкин не пожелал эмигрировать.

Его действительно некоторое время не трогали: Карзинкин был избран в фабричный комитет и усердно трудился, пользуясь уважением даже рабочих-большевиков. В 1918 году он устроился работать в Государственный Российский исторический музей, ныне ГИМ, на должность научного сотрудника.

В Бутырке в милой компании

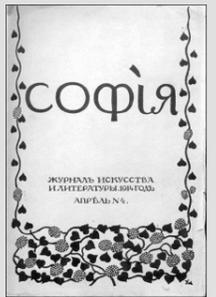
И все-таки нашелся комиссар, который «поселил» Карзинкина в Бутырскую тюрьму почти на год. Арестовали Карзинкина первый раз в августе 1920 года. Он сидел в камере Бутырки вместе с видным

▶ Когда ярославский издатель Константин Некрасов вместе с искусствоведом Павлом Муратовым решили издавать журнал по древнерусскому искусству, в поисках денег обратились к А.А. Карзинкину. Вот что писал из Москвы Муратов Некрасову 16 августа 1913 года: «14 августа узнал, что А.А. Карзинкин в городе. Вечером были у него, сидели до часу, выпили много вина — и вот результат: 20 тысяч есть. Будут внесены по первому требованию. Условие: безусловный секрет, что А.А. нам помогает».

Именно на деньги А.А. Карзинкина выходил шикарный журнал «София», подписчиками которого были многие представители Серебряного века, в том числе и Александр Блок.

Карзинкин никогда не вмешивался в дела журнала, договор о секрете блюли и Некрасов, и Муратов.

О том, что именно Карзинкин спонсировал журнал, стало известно после его смерти из статьи Павла Муратова, написанной в эмиграции.

коллекционером, тоже «классово чуждым буржуазным элементом» Д.И. Шукиным. «Я нахожусь в интеллигентной компании и вообще в прекрасных условиях», — писал Александр Андреевич в письме к своему другу А.В. Орешникову 8 сентября.

Карзинкина беспокоит не его будущее, а будущность его семьи. Он просит старшего друга не оставлять его жену и дочь без нравственной поддержки. В Москве на Кузнецком мосту Павел Муратов «в одно ужасное ноябрьское утро 1920 года» встретил жену своего бедного друга.

«Маленькая измученная женщина с болезненным лицом окликнула меня. Глаза ее плакали. Они плакали так не переставая вот уже несколько месяцев. Я взглянул на нее и не хотел ее спрашивать. «Александр Андреевич все сидит, все сидит. Я хлопочу. Я танцую, даю уроки в танцевальной школе, — сказала она, и улыбнулась, и сделала маленькое

движение рукой, озарившее вдруг разорение и убожество московской улицы всей грацией блестящего спектакля».

Не жалею ни о чем

Вот как Павел Муратов описывает свою последнюю встречу с Карзинкиным: «Я бросился повидать Александра Андреевича, когда его наконец выпустили из Бутырки. Мы обнялись. «Зачем, зачем вы не уехали, милый друг, когда это было так легко сделать!»

— Я не жалею ни о чем, — сказал Александр Андреевич. — В тюрьме было очень интересно. Очень интересно-с! Да, тут узнается человек. Если б я жил прежней жизнью, я никогда бы не узнал того, что знаю теперь».

Многое отняла у Александра Андреевича революция — дом, состояние, свободу, но не лишила бодрости духа, надежды на лучшее и... христианского смирения: «Не чувствуя за собою вины, я твердо надеюсь на милосердие Божие, на то, что Он не оставит меня и мою бедную семью и пошлет нам силу духа, чтобы с твердостью и безропотно перенести это испытание».

В январе 1931 года Александра Андреевича арестовали вторично — по распоряжению ГПУ. Выйдя из тюрьмы после краткой отсидки, он скоро ушел из жизни, скончавшись от сердечной недостаточности 30 июля 1931 года в возрасте 68 лет.

Ирина ВАГАНОВА
Фото из архива редакции

Рабочая слобода Ярославской Большой мануфактуры. Начало XX века.